

жию. или по совету юмзи, варит из пшеничной муки кушанье мимер—нечто в роде киселя. Затем, расплавив одну ружейную дробицу, отлиывает маленькую блестящую монетку. Сделав в ней маленькое отверстие, продевает через него нитку, концы которой завязывает узлом. Мимер и монетку (оловянку), он несет в тот дом, где находится наказывающий его ирих. Ктонибудь из семейства этого дома, по просьбе принесшего мимер и оловянку, отправляется в клетку к ириху, молится, чтобы тот снял болезнь с принесшего мимер и оловянку. Потом делает три земных поклона; часть мимера со столовую ложку кладет он в лукошко, а оловянку привешивает на гвоздь, где висит и лукошко. Остальной мимер съедается членами семейства этого дома. После такого моления чувашин в полном убеждении, что болезнь его снимается ирихом, а о том, что болезнь происходит от нечистоплотности и неопрятности, и не подумает.

Я помню, бывало, все уйдут работать, а я сижу один с бабушкой в избе. Она прядет пряжу или что-нибудь вяжет, и тихо-тихо поет старинные чувашские песни. У этих песен и мотив какой-то особенный. Они очень заунывны. Поет, поет да вздохнет, и так глубоко вздыхает, что на душе делается тяжело. Наконец, мне становится скучно. Я задаю ей детские, бессвязные, наивные вопросы, в роде того: бабушка, почему у меня жены нет?... Она не обращает на них внимания, и напевает излюбленную песню, все одним и тем же тоном, а потом опять глубоко вздохнет.

Вот, в такой момент вдруг растворяется со скрипом дверь, и кто-то входит в избу с масляным мимер в руках для приношения нашему ириху. Я начинаю от радости прыгать и бегать по лавкам. Взяв мимер и оловянку, бабушка выходила в клетку молиться ириху, а я из любопытства сопровождаю ее, чтобы посмотреть на ирих и на то, как ему молятся. В клетке, где ирих, все имеют серьезный вид и говорят только о деле и о вещах, не оскорбляющих нравственности и религии не только своей, но и русской, т. е. православной. Если же мы, дети, по неведению, позволяли себе здесь пошалить, то старшие сдержанно замечали нам, чтобы мы вели себя так, как ведут себя умные люди.

Чувашские божества как добрые, так и злые не позволяют совершать греховные дела: ни воровать, ни развратничать, ни убивать и т. д. Напротив, божество карает всякого, дерзнувшего сделать около него какой-нибудь грех. Поэтому присутствие божества в доме, как у пас в клетке, имеет для взрослых и для маленьких воспитательное значение. Оно приучает с малолетства высказывать слова обдуманно, только о том, о чем можно, приучает вести себя скромно. Поэтому не удивительно видеть какое-нибудь языческое божество в мало-мальски порядочном чувашском доме. Так же нам

Теперь многие чуваша боятся Николая Чудотворца так же, как они боятся языческого бога. В нашей деревне праздников православной церкви почти не празднуют в таком смысле, как учит церковь. В пониманиях чуваш христианские праздники обратились в языческие и, вместо того, чтобы идти в церковь, чуваша дома совершают моление, поминают умерших по языческим обрядам и потом начинают веселиться и пировать вместе с своими гостями.

Весело проводят такие праздники и дети. Особенно приятно мне вспомнить о тех праздниках, когда приезжали к нам гости. С нетерпением бывало я жду праздника. Большие, зная наше отношение к праздникам, часто вместо прямого понуждения к работе говорили: „работайте дети, дружнее, как окончим все работы, придет праздник“. И работа закипала. Вечером, когда возвращались с поля, пели песни, приличные ближайшему празднику, совершенно забывая усталость. Пели песни и чувашские, но больше татарские, в которых находили больше поэзии, чем в чувашских. Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о влиянии татар на чуваш нашей деревни и в отношении языка. Впрочем, я не был большим любителем песен, хотя никогда не отказывался, когда, бывало, предлагают петь вместе с другими. Отличаясь молчаливым характером, я пел без увлечения, только за другими. Тогда мне было лет 10 или 11, и я начинал уже сообразоваться в поступках с мнением старших. Так заранее создавалось у нас радостное настроение в ожидании праздника, напр., Семика и Введения во храм Пресвятой Богородицы, или просто Введения. Недели за две до наступления последнего мой брат отправляется к родственникам, живущим в других деревнях, приглашать их на пир. Все домашние занимаются приготовлениями к празднику: варят пиво, режут овец, колют свиней. В этих приготовлениях и мне находят работу, охотно мною исполняемую. Накануне праздника одевались мы все по праздничному. Я надевал пунцовую рубашку, синие штаны, белые шерстяные чулки и новые лапти, а потом, надевши шубу, овчинную шапку и рукавицы, выходил с братом к воротам встречать гостей. Узнавши гостя издали, мы бежим на встречу, садимся в сани рядом с ним, под'езжаем к крыльцу, помогаем гостю слезать с саней, быстро уносим одежду его в избу. Потом, выпрягши лошадь, привязываем ее куда-нибудь и опять бежим встречать других. Поздно вечером, когда уже приедут все приглашенные гости, происходит угощение. Начиналось оно с того, что я с братом наливали пива в пивные ковши и подходили к гостям, начиная со стариков, предлагая выпить все пиво, до дна ковша. Гости брали ковши, мы вставали пред ними на колена и оставались в таком положении с наклоненной головой до тех пор, пока они не выпьют всего ковша. Остальные гости в это время сидят тихо, внимательно следя за

протяжный и заунывный. Не видно в них удалства. Настал праздник, все родственники собрались вместе, им стало полегче на душе, а под опьяняющим влиянием водки язык их развязался. Они начинают утешать друг друга словами: Бог поможет, потихоньку поживем, подите сюда: попьем, поедим. Эти слова были любимейшими словами дедушки при угощении гостей. Он часто поговаривал: „эх, братцы, если есть на свете хорошее, то это попить, поесть и побеседовать с своими родными, собравшись вместе, как мы теперь“. После этих слов у него, обыкновенно, из глаз текли слезы, и он продолжал: „пожил я на свете, но приятнее этого никогда ничего не находил, мы теперь состарились, живете вы молодые, дай Бог здоровье вам“. Когда же он сам бывал в гостях у своей родной сестры, то его сажали впереди. Преклонов пред ним головы, две племянницы, дочери его сестры, вставали на колени и начинали петь песни, подав ему ковш пива. Они также пели при проводах. Напев менялся, смотря по содержанию песни. В этих песнях выражались беззаботная жизнь девушек в родном доме, неопределенная судьба их в будущем и мольба пред родителями, родными и вообще старшими, не считать их чужими, когда они покинут родное гнездо. Здесь напев делался печальным, дедушка начинал тихонько рыдать, а его племянницы, Марья и Ульяна, то и дело обтирали глаза рукавом рубашки. Марья и Ульяна, встав на ноги, быстро уходили в другую избу. Что они там делали, я никогда не видал, может быть, они там плакали или так сидели, но только, когда дедушка переставал плакать, они больше не входили к гостям. Лошадь уже готова, мы одевались, выходили к саням, где и видел я Марью и Ульяну в последний раз. Она уже веселы, садятся с нами рядом и далеко провожают нас. При расставании не происходит ни целований, ни рукопожатий. Только скажут друг другу: будьте здоровы, пока не увидимся еще другою раз.

Здесь я несколько забежал вперед. Возвратимся назад, в наш дом. Мы сказали, что одни из гостей хвалятся, другие поют песни. Но вдруг врывается в избу скрипач и начинает пилить смычком по дешевеньким струнам; гости оживляются, две женщины выступают на середину избы и начинается пляска, не лишенная грации, состоящая в том, что плясущая тихо двигается, вставая попеременно на пятки и на носки и в тоже время производя руками различные плавные движения, описывая круги в воздухе. Потом пляшут мужчины, в пляске принимают участие не только молодые, но и старые. В то время, как одни пляшут, все остальные бьют в ладоши так сильно, что звук плохонькой чувашской скрипки совсем заглушается. Во всей избе слышно только хлопанье и топание. А сам скрипач не столько играет, сколько топает ногами. Чуваша нашего края вообще не отличаются искусством играть на музыкальных инструментах.